

К вопросу об актуальности прогностической функции исторического сознания

Д. П. Андреев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

To the Question of the Relevance of Prognostic Function of Historical Consciousness

D. P. Andreev

Altai State University (Barnaul, Russia)

Цель статьи — доказать то, что прогностическая функция исторического сознания является актуальной. Историческое сознание является целостностью трех модусов времени (прошлого, настоящего и будущего), с решающей ролью прошлого. Историческое сознание имеет избирательный характер. Показано, что прогностическая функция исторического сознания может быть связана не только с будущим, но и с прошлым. В статье уделяется внимание истории различных взглядов на проблему прогностической функции исторического сознания. И хотя многие философы рассматривали прогностическую функцию исторического сознания в своих исследованиях, но они не сосредоточивались на этом вопросе подробно. Автор пытается развить идею советского историка Е. В. Тарле о прогнозе на будущее. По Тарле, прогноз не утверждение будущих «происшествий», имеющих точную дату, а утверждение будущих «состояний» общества. Идея Тарле о прогнозе имеет схожие черты с идеями Карла Раймунда Поппера. Поппер подчеркивал, что человек не может жить без поиска закономерностей и попыток доказать их. Для Поппера будущее — человеческий проект.

Ключевые слова: историческое сознание, прогностическая функция, прогноз, предсказание, ретропрогноз, ретросказание, Тарле, Поппер.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.2-43

Хорошо известно стремление людей извлечь определенный опыт из прошлого. Известна также и крайняя противоречивость и неоднозначность таких попыток. Еще после Первой мировой войны люди всех стран наивно надеялись, что человечество больше не допустит подобной бойни. Опыт войны был оплачен дорогой ценой, и многие предрекали, что люди извлекли урок из прошлого. Но, к сожалению, этого не произошло. Или, например, Г. Гейне категорически

The article proves that the prognostic function of historical consciousness is topical. The historical consciousness is the integrity of the three modes of time (past, present and future) with the crucial role of the past. Historical consciousness has a selective character. The article shows that the prognostic function of historical consciousness can be related not only to the future but also to the past. In the article much attention is paid to the history of different views on the prognostic function of historical consciousness. Many philosophers considered the prognostic function of historical consciousness in their research, but they didn't focus on this question in detail. The author of article is trying to develop the idea of a Soviet historian Yevgeny Viktorovich Tarle about the prognosis for the future. According to Tarle, the prognosis is not the statement of the future «incidents» with the exact date, but is the statement of future «states» of the society. The idea of Tarle about the prognosis is similar to the ideas of Karl Raimund Popper. Popper stresses that the human cannot live without searching consistency with natural laws and trying to prove them. Popper considers the future as the human project.

Key words: historical Consciousness, Prognostic Function, Prognosis, Forecast, Retro-Prognosis, Retro-Forecast, Tarle, Popper.

утверждал, что объединенная Германия представляет для Франции грозную опасность. Это предсказание было высказано в годы объединительного движения, пользовавшегося во французских либеральных кругах сочувствием, в те годы, когда французские либералы склонны были рассматривать реакционные германские княжества и королевства как явление, противное прогрессу. Попытки человека делать предсказания, изыскивая поддержку в истории, связаны с так

К вопросу об актуальности прогностической функции исторического сознания

называемой прогностической функцией исторического сознания.

На наш взгляд, ошибочно сводить историческое сознание только к «исторической памяти», поскольку это значило бы отождествление его исключительно с опытом прошлого. Поразительное единодушие можно встретить у исследователей исторического сознания в характеристике его как слитности воедино прошлого, настоящего и будущего. М. А. Барг писал, что «прошлое — только грань исторического сознания, которое концептуализирует связь между всеми тремя модальностями времени: прошедшим, настоящим и будущим» [1, с. 24]. Немецкий мыслитель XXI в. Й. Рюзен полагает, что историческое сознание не просто отражает и тематизирует время, но органически связывает все три его модуса, которые открыты друг другу [2, с. 23]. Отечественный исследователь В. А. Ельчанинов отмечает, что сущность исторического сознания заключается в «многообразном по форме отражении, оценке и эмоциональном переживании, развивающейся во времени (выделено нами. — Д. А.) социальной действительности» [3, с. 20].

Казалось бы, с таким пониманием исторического сознания, как целостности трех модусов времени, теряется всякий смысл в именовании его историческим. Однако это не так, и хотя историческое сознание фокусируется не столько на модусах времени, сколько на их связи, при этом прошлое признается основой, стержнем этой связи. В. Дильтей писал, что «мы вновь попадаем под действие закона самой жизни, согласно которому любое мгновение жизни, ставшее предметом наблюдения, сколь бы мы ни усиливали в себе сознание потока, оказывается вспоминаемым мгновением, а не потоком» [4, с. 277].

По нашему мнению, важно также отметить *избирательный характер* исторического сознания, на который указывает Р. А. Каменская, утверждая, что историческое сознание понимается как «особый способ отражения и... оценки прошедшей действительности... при этом историческое сознание не воспроизводит прошлое во всей его полноте. Предметом отражения становятся не все события, а только некоторые из них, наиболее ценные и важные с точки зрения субъекта исторического сознания» [5, с. 2–3]. Следовательно, в фокус исторического сознания попадает не все историческое знание субъекта (индивида или общества), а только то, которое в данное время его занимает. Избирательный характер исторического сознания позволяет человеку выделять именно те события истории, которые, по его мнению, способны доказать высказываемый прогноз.

Рассматривая прогностическую функцию исторического сознания, исторического предвидения, необходимо, на наш взгляд, прояснить содержание ряда понятий, синонимических прогнозу.

Предвидение указывает на получение знания до «видения», т. е. до наблюдения, на «переход мысли

человека за пределы данного эмпирического знания в область, эмпирически не освоенную» [6, с. 184].

Ряд авторов полагают, что предсказание как знание о будущем — это единственное корректное определение. Иные авторы, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечают сущностную черту предсказания как высказывание о неизвестных явлениях, которые могут быть локализованы как в будущем, так и в настоящем или прошлом [7, с. 23].

Прогноз же считается предсказанием научного вида и рассматривается как вывод из некоторого количества посылок — научных законов или эмпирических обобщений и совокупности исходных условий. Но определение прогноза как высказывания не только о будущем, но также как о неизвестном положении вещей в какой-то степени смешивает понятие предвидения и гипотезы. Гипотезу и прогноз можно рассматривать в трех различных планах [7, с. 79]:

1. Семантический. Здесь эти понятия выступают как высказывание о неизвестном еще положении вещей и не различаются.
2. Логический. Гипотезы входят в состав посылок, а прогноз является заключением¹.
3. Прагматический. Гипотеза направлена на объяснение, а прогноз — на выявление факта.

Следовательно, общим понятием, объединяющим «предсказание», «прогноз» и «гипотезу», является «предвидение».

Авторы, представления о прогностической функции исторического сознания которых мы будем анализировать, напрямую о нем и не говорили. Но проведенное разграничение позволит нам связать их высказывания о прогнозе, предсказании и предвидении с прогностической функцией исторического сознания.

О возможности построения предсказаний, опирающихся на историю, философы спорили еще в античности. Например, стоики считали, что из наблюдений частоты повторяющейся последовательности событий открывается возможность подметить, какое событие если не всегда, то очень часто следует за той или иной причиной. Появляется идея детерминизма: «порядок и связь причин, связанных таким образом, что каждая предыдущая порождает из себя последующую... извечная причина всего, что произошло в прошлом, происходит в настоящем, произойдет и в будущем» (цит. по. [8, с. 31]).

Обычно именно причинность и детерминистское истолкование мира выступает в качестве объективных

¹ Но в некоторых случаях гипотеза может быть не только посылкой, но и заключением, так как и к гипотезе мы приходим посредством размышлений. В иных же случаях прогноз может быть не заключением, а посылкой, например при составлении другого прогноза. «Одно и то же высказывание может выступать и как гипотеза, и как прогноз, в зависимости от того, какое место оно занимает в логической структуре вывода и какую цель преследует его выведение» [7, с. 79].

предпосылок исторического предвидения. Как отмечал Д. Юм, нельзя доказать наличие причинности в смысле закономерной и необходимой связи явлений — представление о причинности основывается на привычке к ассоциации событий, т. е. индукции. Индуктивный вывод осуществляет переход от случаев, повторно встречающихся в опыте, к другим случаям (заключениям), которые раньше не встречались. Согласно Юму любой переход от объектов актуального наблюдения к объектам возможного наблюдения незаконен. «Ни в одном объекте, который рассматривается нами сам по себе, нет ничего такого, что давало бы нам основания для заключения, выводящего нас за пределы этого объекта, и что даже после наблюдения частого и постоянного соединения объектов у нас нет основания для того, чтобы вывести заключение относительно какого-нибудь объекта помимо тех, которые мы знаем из опыта» [9, с. 193]. Юм отказывается индукции в объективных основаниях и указывает на ее субъективные корни.

При анализе прогностической функции исторического сознания у авторов советской эпохи из одного труда в другой кочует пророчество Ф. Энгельса о Первой мировой войне: «для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы» [10, с. 361]. Отмечается, что Энгельс смог предсказать не только войну, но и ее продолжительность, характер и социально-политические последствия. Можно насчитать еще множество подобных предсказаний, во многих случаях они делают честь наблюдательности их авторов. Ценность подобных афористически брошенных предсказаний сильно снижается тем фактом, что на каждый оправдавшийся прогноз можно было бы насчитать десятки неоправданных и забытых. Как писал отечественный историк Е. Тарле, «допустимые в качестве иллюстраций, аналогии представляют собой более, нежели сомнительный материал в качестве основы или, даже, отправной точки для прогностических изысканий» [11, с. 46]. Таким образом, человеку, чтобы более-менее выдвинуть предсказание, необходимо «знать сегодняшний, вчерашний и непосредственно предшествующие дни во всей их конкретности» [11, с. 46]. Т. е. мысленно охватывать почти бесконечный объем материала, что практически невозможно².

Но, несмотря на признание ограничения возможностей человека к охвату всего многообразия исторического знания, прогнозирование возможно. Как справедливо отмечал Тарле, люди могут предсказывать не конкретные события будущего, «происшествия», а «состояния»: «при стационарности общественного

² Справедливости ради следует сказать, что Тарле питал оптимизм в отношении науки и надеялся, что со временем человек сможет осуществлять правдоподобные предсказания, хотя это и дело далекого будущего.

настроения можно «предсказать» в ближайшем будущем стационарность общественных форм, и то с оговорками» [11, с. 56]. Следовательно, можно предсказать грядущую войну, но не точную дату ее начала, продолжительность, а тем более последствия. Догадка Тарле подтверждается современной наукой о выдвижении прогнозов — прогностикой. С научной точки зрения, прогностическая функция исторического сознания основывается на способности выявлять закономерности исторического развития, определяющие долговременные тенденции движения истории.

Мы находим схожую мысль у британского философа К. Р. Поппера. По Попперу, человек не получает достоверного знания, а может только предполагать, а предположения его «направляются ненаучной, метафизической (хотя и биологически объяснимой) верой в существование законов и регулярностей, которые мы можем обнаружить, открыть» [12, с. 226]. Поппер утверждал, что у каждого человека есть психологические, генетические и логические ожидания обнаружения закономерностей. Любая научная деятельность есть попытка наложить на окружающий мир регулярность, и в случае если природа «опровергает» выдвинутое предположение, не происходит отказа от регулярностей вообще, а выдвигается другая регулярность³. *Человеку присуще искать закономерности*, и это свидетельствует о том, что он не может жить в мире хаоса и ему нужны некоторые определенности в отношении будущего. «Для К. Поппера будущее — *человеческий проект* (выделено нами. — Д. А.), замещенный на естественных закономерностях и решениях людей» [13, с. 96].

³ Мы считаем необходимым отметить неоднозначное отношение К. Р. Поппера к историческим законам. Широко известна его критика историцизма. Историцизм — это социально-философская концепция, утверждающая возможность открытия объективных законов развития истории и возможности на их основе пророчествовать о путях исторического развития, умело применяя их к анализу конкретной исторической ситуации. Историцизм рассматривает общество как развивающееся путем смены культурных этапов и считает, что необходимо открыть законы их смены, т. е. такие законы, которые являлись бы реально общезначимыми. Таким образом выявляется динамика исторического развития. Следовательно, дальнесрочные глобальные предсказания особенно ценны, так как они основываются на действительно универсальных общественных законах. Существенной чертой историцизма является тезис о неизменности предсказаний, о невозможности менять будущее. Найденный историцизмом закон догматичен, и историцисты не готовы к тому, что в процессе претворения прогноза в жизнь он может быть пересмотрен. Историцистские пророчества детерминируют поведение человека и утверждают, что в будущем произойдут такие-то события, и если мы отстаиваем активную жизненную позицию, то должны действовать сообразно им.

У Поппера понятие предвидения не сводится только к переходу от известных фактов к неизвестным посредством использования имеющегося знания. Поппер считает, что знание само по себе «часто имеет характер ожидания» или «опережающего знания» [14, с. 196]. Оправдан переход от фактов, данных в опыте, к неизвестным только в том случае, если, допуская ошибку, мы имеем возможность ее обнаружить и устранить [12, с. 342]. Главное требование к предсказаниям, которое выдвигал Поппер, — фальсифицируемость, проверяемость. Критическая установка обуславливает фальсифицируемость, эмпиричность и научность знания. Критическое мышление позволяет провести границу между научным и ненаучным познанием, *научным и ненаучным предсказаниями*.

Для Поппера предсказание не только высказывание о будущем, этот термин «охватывает высказывание о прошлом («ретросказания»), а также «имеющиеся в настоящее время» высказывания, которые мы хотим объяснить («экспликандумы»⁴)» [12, с. 83].

Ю. В. Чайковский предлагает идею диатропического⁵ прогноза, целью которого «является не предсказание будущего, а набор рекомендаций для такого поведения в настоящем, которое будет по возможности разумным при любом мыслимом ныне варианте реального протекания будущих событий» [15, с. 82]. Этот вид прогноза описывает *спектр вариантов*⁶. Роль прогноза играет в истории ретрогноз — догадка о прошлом.

Диатропический ретрогноз — догадки прошлого, мысли прежних ученых, требовавших проверки, которая в то время не состоялась. В прошлом необходимо искать все яркие идеи, в особенности те, что выпали из поля зрения позднейшей науки. Эти идеи способны указать на выход из тупика, с которым столкнулась та или иная научная дисциплина. Выявляется такая идея лучше всего в момент ее рождения. Обнаружив тупик развития

⁴ При осуществлении любой процедуры объяснения то, что необходимо объяснить, называется экспликандумом.

⁵ Диатропика — наука о разнообразии.

⁶ «Так при решении вопроса о строительстве одной из атомных электростанций во Франции было предложено исходить не из вероятности аварии (вычислить ее невозможно, а «экспертные оценки» ее всегда ангажированы), но из того ущерба, какой авария нанесет, если произойдет. Это вовсе не означает отказа от строительства вообще, это значит, что предлагалось избрать тот вариант, при котором ущерб в случае любой мыслимой аварии будет минимальным из возможных. [...] Странно, но ситуация в истории науки похожа. Роль «ангажированных экспертов» играют ученые, подвластные куновской парадигме, причем ангажированность далеко не всегда продажна — многие просто не могут думать вне парадигмы, видя в ней единственную и окончательную истину» [15, с. 82].

какой-то дисциплины, полезно углубиться в историю и, возможно, удастся увидеть ключевой, но забытый спор эпохи, вот и указание альтернативы, т. е. диатропический ретрогноз.

Подводя итоги, можно отметить, что при рассмотрении исторического предвидения как специфической функции исторического сознания встает ряд проблем, анализ которых создает заманчивые перспективы для дальнейшего изучения.

Во-первых, не следует соотносить исторические предсказания только со сферой будущего, так как предсказание есть всегда вывод в отношении того, что неизвестно на данный момент, но что должно вести себя определенным образом, иметь определенный вид или определенные свойства в силу имеющихся у нас знаний, на которых, собственно, данный вывод и основан. А поскольку историческое сознание в первую очередь направлено в прошлое, следует говорить и изучать наравне с прогнозом и ретрогноз. Изучение ретрогноза позволит полнее раскрыть сущность исторического предсказания.

Во-вторых, не следует концентрироваться только на практическом значении предсказаний. Например, К. Р. Попперу удастся выделить «теоретическую функцию» предсказаний [12, с. 286]. Новая теория должна иметь возможность быть фальсифицируемой, и факт, который может сделать гипотезу максимально открытой для критики, — это метод формулировки предсказаний: высказываний, требующих, чтобы имели место определенные, еще не наблюдаемые явления. Предложенный им путь к анализу предсказания открывает в нем новые грани.

В-третьих, следует помнить, что предсказание влияет на сам ход событий, и часто неясно, исполнилось предсказание из-за того, что оно действительно «заглянуло» в будущее, либо действительность была подогнана под его содержание. Поэтому следует обратить пристальное внимание на предложенные Ю. В. Чайковским диатропический прогноз и ретрогноз, оперирующие простыми вариантами и предлагающие в качестве возможных несколько вариантов развития, при этом не указывая на степень их вероятности.

В-четвертых, следует вслед за Поппером обратить внимание на то, что человек всегда ищет закономерности, стремясь придать определенность хаотическим изменениям. И эта определенность возможна только благодаря прогностической функции исторического сознания, которая выявляет закономерности в истории. Поппер при этом радуется за то, чтобы человек не становился догматическим пленником найденных законов, а критически их развивал.

Таким образом, необходимо дальнейшее изучение прогностической функции исторического сознания, для того чтобы предложенные пути исследования были в достаточной мере проработаны.

Библиографический список

1. Барг М. А. Эпохи и идеи. — М., 1987.
2. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2013. — Т. 13.
3. Ельчанинов В. А. Теоретические проблемы исторического сознания: монография. — Новосибирск, 2011.
4. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Собр. соч. : в 6 т. — М., 2004. — Т. 3.
5. Каменская Р. А. Историческое сознание : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Волгоград, 1999.
6. Жариков Е. С. Проблема предсказания в науке // Логика и методология науки. — М., 1968.
7. Философия и прогностика. — М., 1971.
8. Михайлов А. Е. Цицерон о возможности предвидения будущего // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2012. — Т. 1, № 4.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения: в 2 т. — М., 1996. — Т. 1.
10. Энгельс Ф. Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т.: 2-е изд. — М., 1961. — Т. 21.
11. Тарле Е. В. К вопросу о границах исторического предвидения // Русское богатство. — 1902. — № 5.
12. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. — М., 1983.
13. Пирожкова С. В. Проблема предсказаний в социальной философии К. Поппера // Философские исследования. — 2007. — № 3–4.
14. Поппер К. Р. Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. — М., 2000.
15. Чайковский Ю. В. История и прогноз // Вопросы философии. — 2011. — № 5.